

Революция притязаний и изменение жизненных стратегий молодежи: 1985 - 1995 годы / Под ред. В.С. Магуна. М.: Изд-во Института социологии РАН, 1998. 148 с.

Главный результат рецензируемой работы (она продолжает публикацию 1993 г. [1]) – открытие двух важных феноменов, характеризующих эпоху быстрых социальных изменений 1980-х – 1990-х гг. в советском и постсоветском обществе – резкое повышение уровня притязаний и изменение стратегий их реализации. И хотя в сборнике много других интересных материалов, на мой взгляд, справедливо, что именно эти два научных результата вынесены в его заглавие: не так уж много в нашей науке фактов подобного ранга – значимых, убедительно доказанных и теоретически релевантных, – и к тому же наглядно демонстрирующих радикальность социальных перемен конца 1980-х – начала 1990-х гг.

Основная эмпирическая база описываемого проекта – материалы трех серий опросов (1985 – 1990-1992 – 1995 гг.) в России и в Украине (все украинские данные получены в сотрудничестве с киевским социологом Е.И. Головахой и его коллегами) об отношении молодежи к своему будущему. Участники большинства опросов – 16-17-летние выпускники обычных общеобразовательных школ. Авторы подчеркивают, что термин "притязания" относится к "целям, самостоятельно устанавливаемым человеком" (с. 8), причем для изучения были выбраны сравнительно более реалистичные и более твердо отстаиваемые притязания, поэтому респондентов во всех случаях спрашивали, что они сочли бы *достаточным* для себя. Удачным представляется построение книги, которая начинается с представления общей динамики притязаний и жизненных стратегий молодежи, продолжается более углубленным анализом этих феноменов субъективной жизненной перспективы (влияния на них семьи как ближайшей инстанции социализации, взаимосвязей их с более широким кругом политических и экономических реформ, проверку данных на контрольном массиве в Краснодаре) и завершается возвратом к феномену "революции притязаний", но на этот раз вписанному в более широкий культурно-исторический контекст.

Важное достоинство работы – полное и детальное описание инструментария, процедур и результатов исследования, что дает возможность читателю проверять выводы авторов, аргументированно критиковать их, самому анализировать изложенный материал, использовать книгу в учебном процессе.

В открывающей сборник статье В.С. Магуна сравниваются данные 1985, начала 1990-х и 1995 гг., и обнаруживается резкий рост властных и потребительских притязаний молодых людей, начавшийся в конце 1980-х и продолжившийся в первой половине 1990-х гг. В итоге большинство опрошенных в середине 1990-х гг. юношей и девушек хотели бы в будущем занять высшие уровни должностной иерархии, приобрести автомобиль, дачу, комфортное жилье (с числом комнат равным числу членов семьи плюс одна). В реализации своих притязаний молодежь рассчитывает как на свои собственные ресурсы, так и на помощь родителей (а девушки – и на помощь будущего супруга). За описываемое десятилетие, как показывает автор, представления молодых людей о способе реализации своих притязаний также претерпели изменения. Готовность иметь дело с трудностями, связанными с ухудшением качества жизни (своего собственного и членов семьи), у молодежи стала еще

ниже, чем прежде. Зато юноши и девушки (напомним, что речь идет о выпускниках школ, и большинство из них намерено продолжить образование) в большей степени готовы преодолевать трудности, связанные с обучением, приобретением высокой (и пользующейся спросом!) профессиональной квалификации, накоплением "человеческого капитала". В целом, автор объясняет произошедшие сдвиги (а часть из них характерны для сознания не только молодежи, но и других возрастных групп) фундаментальными модернизационными изменениями советского общества, начавшимися во времена М.С. Горбачева, и формированием у молодежи бывшего Советского Союза новых референтных групп и нового – "западного" – референтного социального пространства.

В методической статье Г.К. Булычкиной прослеживается взаимосвязь между обобщенными и конкретными притязаниями. Анализ этих связей позволяет выстроить иерархию репрезентирования обобщенных притязаний в отношении богатства и статуса конкретными притязаниями. Как оказалось, лучше всего эту общую "притязательность" молодежи выражают ответы на вопросы о "достаточной" должности и "достаточном" числе комнат в будущем жилище. Примечательно, что "достаточный" уровень заработка оказался сравнительно слабо связан с обобщенными притязаниями. Как полагает автор, "это связано с неясностью для молодых людей конкретного (натурального) смысла тех или иных денежных сумм" (с. 44).

В статье Л.В. Ясной и В.С. Магуна прослеживается влияние родительской семьи как важнейшего фактора социализации на притязания и жизненные стратегии юношей и девушек, а также анализируются притязания, связанные с межпоколенной мобильностью. Юноши-выпускники, как правило, происходят из семей более высокого статуса, чем девушки-выпускницы; авторы объясняют это тем, что юношам труднее преодолевать внутренние и внешние барьеры на пути поступления в старшие классы школы и продолжения среднего образования. Социально-психологический климат в семьях, где живут девочки, напряженнее: они чаще юношей выражают антипатию к своей семье. В целом, чем выше материальное положение родителей и чем лучше их отношения с детьми, тем большей помощи от них ждут юноши и девушки.

Интересно, что влияние семейного благополучия на готовность молодежи к самостоятельному преодолению трудностей зависит от типа этих трудностей: чем больше ресурсы родительской семьи, тем менее старшеклассники готовы жертвовать качеством жизни, но зато тем больше они готовы к трудностям, преодолеть которые необходимо для приобретения высокой квалификации и накопления "человеческого капитала".

Наглядным показателем уровня притязаний является соотношение уровня притязаний "детей" с характеристиками их родительских семей. Авторы показывают, что молодые люди, как правило, нацелены на превышение уровня жизни своих родителей. Так например, "юноши и девушки планируют иметь на 2-3 комнаты больше, чем их нынешняя семья" (с. 65). По интегральной шкале богатства планируемый рост составляет 40-60% от нынешнего уровня, по шкале статуса – примерно 30-40%.

Со стороны *макросреды* важнейшими условиями, определяющими будущее молодых людей, являются проводимые в России и на Украине политические, экономические и культурные реформы.

Поэтому вполне закономерна постановка вопроса о связи притязаний и жизненных стратегий с отношением молодых людей к реформам в обществе – этому посвящена статья Л.С. Шиловой и В.С. Магуна. По отношению к экономическим, политическим реформам, а также по отношению к сближению с Западом исследователи обнаруживают две основные группы респондентов: тех, кто оценивает реформы в основном положительно, и тех, кто оценивает их амбивалентно (третья группа – "негативистов" – немногочисленна). Экономические реформы (введение частной собственности, рынка и свободы предпринимательства) и процесс сближения со странами Запада оцениваются молодежью более одобрительно, чем политические (установление свободы слова и печати, свободных выборов президента и парламента). Отношение к политическим реформам, в основном, амбивалентное. Авторы впервые предприняли попытку факторного анализа отношения людей к реформам. Оказалось, что отношение к «прорыночным» и «продемократическим» изменениям выступает не единым синдромом, а расщепленно. Например, в одном из факторов с ростом одобрения политических свобод усиливается негативное отношение к предпринимательству как виду экономической свободы, и к сближению с Западом. В другом факторе наблюдается иное расщепление оценок: сдержанное отношение к рыночной экономике сопровождается одобрением свободы слова и политики сближения с Западом, а "прорыночность" сочетается с антизападничеством и отрицанием свободы слова и печати.

Отношение людей к реформам – тема, активно изучаемая отечественными социологами. Прделанный авторами структурный анализ различных проявлений этого отношения означает серьезное продвижение в этой области исследований, поскольку позволяет понять, какая логика стоит за той или иной конкретной оценкой, каковы социально-психологические механизмы ее возникновения и возможные способы воздействия на нее. Несмотря на обнаруженную авторами противоречивость оценок реформ, все же в первом, наиболее мощном, факторе они связаны друг с другом положительно, и поэтому данный фактор авторы интерпретировали как параметр общего одобрения или сдержанности по отношению к реформам. Благодаря сопоставлениям этого обобщенного параметра с другими характеристиками старшеклассников выяснилось, что положительное отношение к реформам, как правило, сочетается с показателями более высокого личностного потенциала: повышенными притязаниями, более выраженной готовностью к преодолению трудностей, расчетом на свои силы и более высокой удовлетворенностью различными сторонами своей жизни.

Разделение выборки по полу демонстрирует значимый гендерный эффект. Притязания в сфере труда для девушек менее важны и соответственно менее влияют на их отношение к реформам. Зато в сознании девушек гораздо определеннее, чем у юношей, новое общественное устройство увязывается с необходимостью идти на жертвы и преодолевать трудности, причем не только квалифицированного, но и тяжелого неквалифицированного труда. Значит, делают вывод авторы, выбор в пользу реформ обходится девушкам дороже, чем юношам.

Интересный ход, связанный с факторным анализом, несколько проигрывает от непроясненности смыслов, входящих в интерпретационные схемы молодых людей. Прежде чем ставить в анкете вопросы об отношении к

тем или иным аспектам реформ, было бы, на мой взгляд, целесообразно провести качественное исследование того, какие феномены "эпохи перемен" явлены сознанию молодых людей и каким языком презентированы (есть разные предприниматели и разные демократы, за понятием "запад" скрываются разные жизненные практики и т.д.).

Статья Ю.С. Аржаковой, казалось бы, лежит чуть в стороне от главной линии книги, но, на самом деле, очень важна для характеристики того культурного фона, на котором разворачиваются принципиальные изменения притязаний и жизненных стратегий молодежи. Она посвящена анализу объектов симпатии и идентификации старшеклассников. Общим для юношей и девушек является внимание к фигурам из области западной, преимущественно американской массовой культуры. Основные герои юношей – спортсмены и киноактеры, причем те, кто включен в непосредственное противоборство с соперником (доминантная мужественность и брутальность), герои девушек – американские фотомодели (культ женской красоты). Еще одно гендерное различие заключается в том, что юноши в ответ на вопрос о симпатии и желании быть похожим называют исключительно представителей своего пола (выказывая, скорее всего, стремление походить на них), а девушки называют представителей обоих полов (выражая тем самым, наряду с идентификационными, и сексуальные предпочтения).

В статье А.Н. Демина исследуются образовательные и должностные притязания разных групп молодежи города Краснодара (1995-1996 гг.). Версия вопросов, разработанных первоначально В.С. Магуном и Е.И. Головахой, была предложена Деминым не только выпускникам средних школ, но также и другим группам молодежи – выпускникам профтехучилищ и колледжей, а также работающей молодежи. Краснодарские данные подтверждают вывод о революционном повышении должностных притязаний учащихся в 90-е годы. Должностные притязания учащихся ПТУ оказались несколько ниже, чем у школьников и студентов колледжей. Но значительно более низкими оказались должностные притязания уже работающей (и к тому же более старшей по возрасту) молодежи. Возможно, нынешние притязания *работающих* молодых людей несут на себе отпечаток другого времени, когда и должностные притязания *учащихся* были более скромными, чем сегодня. Но есть и другой вариант объяснения, который тоже рассматривается автором. Возможно, работающие молодые люди (их средний возраст 25 лет), заявляя свои должностные притязания, в большей степени, чем учащиеся, руководствуются "принципом реальности", а не "принципом удовольствия". Это последнее соображение позволяет, на мой взгляд, лучше понять те явления, с которыми работают авторы исследовательского проекта. И смягчить беспокойство, возникающее при знакомстве с кажущимися завышенными притязаниями учащейся молодежи. Отнюдь не обязательно столкновение этих притязаний с жизненными трудностями должно вызывать длительные фрустрации, вспышки насилия и т.п., возможен и другой вариант — снижение уровня притязаний и адаптация взрослеющего человека к неподатливой реальности.

В заключительной статье А.Ю. Согомонов описывает социальный конструкт "реалистических притязаний", трактуя его как повторение человеком принятых в предшествующих поколениях критериев и стандартов биографического нормотворчества. Историко-культурная динамика смены поколений обеспечивалась при этом регулярно воспроизводимыми

индивидуальными завышениями нормативов биографического проекта. Прежние стандарты биографических проектов опирались на культ гарантированного дохода и "этику пропитания" (термин Дж. Скотта) крестьянского сообщества, являясь важным элементом "моральной экономики". Феномены крестьянской культуры содержат установку на усредненное биографическое проектирование, блокируя идеи жизненных притязаний и индивидуальных стратегий их реализации. Резкое повышение притязаний молодежи (описанную в статье В.С. Магуна революцию притязаний) автор статьи объясняет реакцией на переход к иному экономическому и культурному порядку, выраженному в резкой смене биографических стандартов и вызванному новым потребительским этосом. Потребительская идеология усваивается детрадиционализирующей культурой быстрее и глубже, чем рациональные нормы и ценности современного производительного поведения.

А.Ю. Согомонов считает, что изменяются не только содержание, но и глубинные механизмы притязаний, происходит диверсификация самого феномена "биография" в сторону ее рефлексивности и индивидуализации образа жизни (в интерпретации У. Бека). Рефлексивная индивидуализация рождает стремление людей к самобытности их жизненного пути (еще один вариант революции притязаний). Я не могу полностью согласиться с идеей второй революции притязаний, как она трактуется А.Ю. Согомоновым. Наличие тренда к индивидуализации очевидно, но и институционализация, как и прежде, несомненно имеет место. Биография как социальный институт, созданный и поддерживаемый сообществом, – не только проявление индивидуального «творчества», но и, если перефразировать П. Бергера, акт социального позволения. Сама биография превратилась в социальный институт, в рамках которого "человек потребительский" тоже "заперт" в своих возможностях, но другой, внешней логикой – логикой потребления. Кажущаяся свобода рефлексивной биографии проявляется в разрушении типичных биографий, крахе коллективной биографии, в мультипликативной идентичности, "отменяющей" единую однозначную идентичность. Происходит почти виртуализация биографии. Но институциональность, формирующая биографический конструкт, лишь опустилась на уровень биографизации (термин В. Фишер-Розенталя), реализуя в конкретных конфигурациях жизненных «практик» социально одобряемые и индивидуально утверждаемые биографии.

По прочтении этой очень интересной книги остается ощущение значительности события. И не только потому, что обнаруженные тенденции революционны, – сильное впечатление производит масштаб временных и пространственных сравнений, широкий социологический инструментарий и множественность точек зрения, рождающих искомую истину.

Е.Ю. Мещеркина,
кандидат философских наук,
старший научный сотрудник
Института социологии РАН

ЛИТЕРАТУРА

1. *Магун В.С., Литвинцева А.З.* Жизненные притязания ранней юности и стратегии их реализации: 90-е и 80-е годы. М.: Российская Академия наук, Институт социологии, 1993.